

Э.Г. ЮДИН (г. МОСКВА)

Ж.М. Абдильдин. Диалектика Канта.
– Алма-Ата: изд-во «Казахстан», 1974. – 160 с.*

Исследованию творчества Канта посвящено в нашей литературе немалое число работ, в которых, естественно, видное место занимает и анализ диалектики великого немецкого мыслителя. Тем не менее, Ж.М. Абдильдин в рецензируемой книге нашел плодотворный и интересный способ рассмотрения диалектических идей Канта. Это рассмотрение осуществляется по двум основным линиям: диалектика как содержательная концепция научного знания и элементы собственно теории диалектики в учении Канта. Каждой из этих линий посвящена особая глава, чем и определяется структура книги. В первой главе речь идет главным образом о проблеме обоснования научного знания, и в этой связи дается критический анализ докантовских форм решения проблемы, во второй главе внимание автора сконцентрировано на проблеме противоречия.

Одна из привлекательных особенностей книги состоит в том, что автор сумел органически увязать имманентный и историко-философский анализ учения Канта. Это четко прослеживается на протяжении всей работы: практически по каждому из затронутых вопросов основательный анализ сложных кантовских текстов сопровождается их интерпретацией с точки зрения как предшествующего, так и последующего развития философии. Благодаря такому подходу Ж.М. Абдильдину удалось выпукло

---

* Опубликовано в журнале «Вопросы философии». – 1975. – № 11.

обрисовать выдающуюся роль Канта в истории познания, показать сильные и слабые стороны его учения о познании и охарактеризовать то место, которое занимает этот мыслитель в ряду предшественников диалектического материализма.

Можно, пожалуй, сказать, что кантовский юбилей в целом способствовал значительному углублению интереса к сложному и противоречивому наследию великого немецкого философа. В полном соответствии с марксистской философской традицией авторы современных работ о Канте стремятся не столько подвести творчество этого мыслителя под заранее известные схемы, сколько выявить действительные проблемы, поставленные в его учении. А именно в этом отношении учение Канта представляет наибольший интерес и сохраняет всю свою актуальность.

С таких позиций подошел к исследованию и Ж.М. Абдильдин. Пожалуй, в наибольшей степени такой конструктивный подход обнаруживается в книге при рассмотрении кантовского учения о мышлении. Не торопясь вынести окончательный приговор, Ж.М. Абдильдин раскрывает действительный смысл кантовского априоризма, показывает, что за ним кроется совершенно новый подход к проблеме природы научного мышления и обоснования его результатов: в форме учения об априорных принципах чувственности и рассудка Кант преодолевает альтернативу рационализма и эмпиризма и открывает путь к анализу реального механизма мыслительной деятельности, ее объективных и субъективных условий. Именно Канту принадлежит постановка вопроса о решающей роли в познании форм мышления, независимо от того, что конкретный ответ на этот вопрос, данный самим Кантом, уже его преемникам представлялся далеко не безупречным. Это сторона проблемы четко прослежена в книге в связи с рассмотрением кантовского учения о категориях и о

синтетическом априорном знании. Автор справедливо подчеркивает, что такой подход был необходимой предпосылкой разработки содержательного учения о сущности теоретического знания.

Очень интересно и свежо рассматривает Ж.М. Абдильдин одно из главных оснований кантовской диалектики – идею активности познающего субъекта, которой в книге посвящен специальный параграф. В нашей историко-философской литературе достаточно прочно установлено, что именно Кант является родоначальником диалектики деятельности, деятельностного подхода, столь характерного для немецкой классической философии, а затем переработанного в материалистическом духе основоположниками марксизма. Ж.М. Абдильдин показывает, что такой подход оказался органическим основанием всей концепции Канта, поскольку именно на него опирается объяснение природы теоретического знания. При этом в отличие от некоторых современных адептов принципа деятельности Кант отнюдь не ограничивался простым указанием на важность и универсальность идеи активности субъекта и тщательно прослеживал специфические формы этой активности в сфере познания. По справедливому утверждению Ж.М. Абдильдина, «кантовская идея активности познания, познающего субъекта разработана в трансцендентальной дедукции категорий и в учении о первоначальном единстве апперцепции» (с. 70). Особенно обстоятельно с этих позиций рассмотрено в книге учение о первоначальном единстве апперцепции. Причем автор не просто фиксирует тот факт, что это учение послужило отправным пунктом немецкого классического идеализма и определило своеобразие диалектики в немецкой классической философии, но и подчеркивает, что было бы неправильно сводить всю суть этого учения к идеализму и не видеть в нем продуктивных, положительных моментов.

Среди этих последних Ж.М. Абдильдин выделяет прежде всего синтезирующую, связывающую деятельность рассудка – исходную точку кантовского учения о первоначальном единстве апперцепции. Здесь действительно идея деятельности, активности познания выступает наиболее рельефно.

Эта сторона концепции Канта не потеряла своего значения и в наше время. В принципиальном плане она интересна постольку, поскольку в ней раскрываются реальные механизмы познавательной активности субъекта. Именно такая постановка проблемы оказалась конструктивным противовесом упрощенным представлениям о познании, которые были характерны как для эмпиризма, так и для рационализма: Кант показал, что познание не может быть сведено ни к унылым индуктивным обобщениям, в основе которых лежит простое повторение опыта, ни к механическому отслаиванию, отшелушиванию признаков объекта, которое как бы автоматически приводит к построению абстракции на основе ограниченного числа врожденных идей. Подлинную суть познания составляет активное мысленное оперирование с объектом, в ходе которого рассудок упорядочивает, организует материал чувственности – связывает его в целостность, недоступную самой чувственности. Здесь следовательно, категория связи получила не только онтологический, но и содержательно-логический статус. И когда Маркс говорил о развитии «дейтельной стороны» идеализмом, то он, конечно, далеко не в последнюю очередь имел в виду этот конкретный аспект учения Канта.

Учение о первоначальном единстве апперцепции обнаруживает свою актуальность – быть может, несколько неожиданно – и в психологическом плане: оно показывает, что «материя» взаимодействия субъекта и объекта уже в самых своих исходных точках предполагает активность субъекта. Современные психологические исследования

подтверждают этот вывод и демонстрируют, в частности, что уже и созерцание представляет собой весьма сложную деятельность, что оно, следовательно, вовсе не так «фотографично», как это предполагали еще не так давно и как следует из буквального смысла слова «созерцание».

Развитие тех идей, которые были заложены в учении Канта, заставило увидеть в деятельности исключительно сложную по своему строению действительность, выявило неоднозначность ее определений, многообразие форм, в которые выливается активность человека.

В книге последовательно и строго проводится единая авторская точка зрения, определяющая способ интерпретации диалектики Канта. В целом эта точка зрения представляется вполне обоснованной, но некоторые ее аспекты кажутся не бесспорными. Это, прежде всего, касается метода оценки творчества Канта в историко-философском плане. Ж.М. Абдильдин исходит из положения, согласно которому Кант – как родоначальник немецкой философской классики – дал преимущественно верную постановку проблем диалектики познания, но в решении этих проблем значительно уступал Гегелю. Конечно, в принципе это правильно. Но только в принципе. В нашей историко-философской литературе неоднократно и справедливо отмечалось, что отношение между системами Канта и Гегеля не столь прямолинейно. Это наиболее очевидно в проблемах этики и, более широко, в обосновании принципов практического разума, где позиция Канта в некоторых существенных пунктах оказалась выше гегелевской. Но и в решении тех проблем, которые непосредственно рассматриваются в книге Ж.М. Абдильдина, превосходство Гегеля отнюдь не всегда представляется безоговорочным.

Начнем с того, что два эти мыслителя фактически рассматривают не вполне тождественный предмет. Если

у Гегеля проблема обоснования знания раскрывается и решается через анализ мышления (то есть во главу угла поставлено рассмотрение познавательной деятельности как процесса), то Кант пытается решить эту же проблему с иной стороны – через анализ сознания и его имманентной структуры. Именно процессуальный подход позволил Гегелю сделать решительный шаг вперед по сравнению с Кантом в раскрытии диалектики познавательной деятельности, ибо это последняя не может быть понята вне процессуальных представлений. Но в конкретной форме гегелевского учения этот прогресс был достигнут ценой известной недооценки роли структур сознания в мыслительных процессах, то есть тех относительно устойчивых инвариантов, которые образуют внутреннюю форму исторически конкретных типов мышления.

Более явственно это различие подходов обнаруживается, например, в проблеме априоризма. Отвлекаясь от идеалистической, агностической формы, в которой эта проблема была поставлена Кантом и которая получила справедливую диалектико-материалистическую оценку в трудах Энгельса и Ленина, надо все-таки заметить, что кантовское учение об априорных формах чувственности и рассудка впервые поставила вопрос о необходимой предпосылочности всякого мышления, о детерминации его не только содержанием познаваемой реальности, но и наличными структурами сознания. Такая постановка проблемы, с одной стороны, позволила снять налет мистификации, которым прежде была покрыта идея активности познающего мышления (впрочем, в конкретной форме кантовского учения следы этой мистификации еще очень ощутимы), и указать на реальную «материю», в которую отливается эта активность; с другой стороны – обозначить контуры вопроса, суть которого проявилась значительно позднее, уже в современных представлениях о структуре

познания, – вопроса не просто о предпосылочности мышления, но о сложной типологии самих предпосылок (этот аспект кантовского априоризма хорошо раскрыт в работе В.С.Швырева «Кант и неопозитивистская доктрина научного знания» в сб. «Философия Канта и современность», М., 1974). Повторим еще раз, у самого Канта этот круг проблем не получил адекватной постановки, но, во-первых, именно Кант «генерировал» такую постановку, дал ее первоначальную идею: во-вторых, сложная реальная природа априоризма осталась в значительной мере скрытой от Гегеля. Это последнее обстоятельство имело, конечно, вполне определенное конкретно-историческое объяснение, однако и независимо от него историко-философская объективность требует признать, что в этом конкретном пункте Гегель по сравнению с Кантом сделал шаг не вперед, а в ином направлении.

Пример с априоризмом лишний раз подчеркивает, что слишком жесткое следование принципу линейного развертывания истории философии таит в себе определенные опасности. А, кроме того, он демонстрирует важную роль, так сказать, методологической составляющей в историко-философском анализе: дело в том, что чисто содержательное сопоставление позиций Канта и Гегеля в этом вопросе оставляет скрытым весьма существенное различие предметов, с которыми имел дело каждый из них, различие, понимание которого требует не только содержательного, но и методологического подхода.

Хотелось бы привести еще один пример, подтверждающий, что линейное изображение истории философского познания может порождать неточности. Оценивая историческое место диалектики Канта, Ж.М. Абдильдин пишет: «...Диалектический способ мышления, творчески развиваемый лучшими представителями современного естествознания, зачастую по теоретическому уровню

не поднимается до классических форм диалектики, разработанных Гегелем и Марксом, и выступает в доступной им форме кантовской диалектики» (с. 5). И далее тут же говорится, что современное естествознание «поднимается до уровня кантовской диалектики, то есть почти доходит до понимания необходимости единства возможности и действительности, конечного и бесконечного, внутреннего и внешнего и т. д.». Здесь, на наш взгляд, не только излишне резко и безапелляционно диалектика Канта противопоставляется ее последующим, более развитым формам, но и дается не очень корректная характеристика методологической базы современного естествознания и его связей с философией.

Спорные пункты неизбежны в любом серьезном исследовании, и это, конечно, составляет его достоинство, а не недостаток. Так и в данном случае: обсуждение спорных аспектов книги Ж.М. Абдильдина позволяет уточнить постановку и решение проблем, важных как для истории философии, так и для современного развития философского знания. Если же говорить о книге в целом, то ее высокий профессиональный уровень, конструктивный характер обсуждения проблем, спокойный и деловой тон не оставляют сомнений в том, что читатель получил хорошую, добротную работу.